

Д Ж А З

В Москве выступал с концертами (в том числе в Кремлевском дворце с Российским национальным оркестром) знаменитый американский трубач Уинтон Марсалис. С послесловием к его концертам корреспондент «МН» Дина КИРНАРСКАЯ.

«Ну, старина, — говорил Марсалис в парке Кусково на фоне банок из-под пива и палаток на траве, — не рассказывай мне, что старые джазмены никогда не учились. А Луи Армстронг, с которым нянчился профессор Дэвис? А Дюк Эллингтон — его учила композиции Марион Кук, ученица Дворжака, у него же брал уроки Рубин Гольдмарк, учитель Гершвина. А Майлс Дэвис с Джульярдской школы? Каждый, кто что-то умеет, был кем-то научен. А? Что, разве не так, старина? Ну я побежал, труба зовет», — и отправился на сцену разыгрывать Дюка Эллингтона.

Этот джазовый проповедник, готовый схватить за пуговицу каждого, у кого есть свободные десять минут, больше похож на футболиста, чем на музыканта, — подвижен, размахивает руками и светится улыбкой кандидата в президенты. Журнал «Тайм» занес Марсалиса в число двадцати пяти самых влиятельных людей Америки. Он — лауреат Пулитцеровской премии по

ТРУБА ЗОВЕТ

композиции, в которой когда-то отказали самому Эллингтону, руководителю джазового оркестра Нью-Йоркского Линкольн-центра, признанный король классической и джазовой трубы, для которого Бах и Армстронг — равно любимые собратья по искусству. На оркестр Марсалиса работают сорок секретарей и администраторов, для него строится новый «Дом джаза» в Линкольн-центре с двумя залами и собственной студией звукозаписи.

При этом зубовный скрежет за спиной маэстро не умолкает. «Ретроград, душитель свободного полета джаза, — несутся голоса справа и слева. — Он хочет затащить нас обратно в «Коттон-клуб», где играл Дюк Эллингтон и оттягивались гангстеры».

Бегущим впереди паровоза Марса-

лис отвечает: «Авангард уже потерял свою привлекательность для людей, желающих играть. Зачем отворачиваться от Чарли Паркера, Теллониуса Монка, Дюка Эллингтона? Чтобы обрести взамен скрежет и визжание? Авангардная революция так и не произошла ни в одном из искусств, не произошла она и в классической музыке. Она происходит только в университетах и в умах журналистов».

Джаз — искусство молодое. Подобные споры старушка-классика знает уже пять веков и бровью не ведет. Когда великий Бах обстоятельно подводил общеевропейские музыкальные итоги за последние триста лет, молодежь уже отмахнулась от его устаревшей риторики и занялась «музыкальными прогрессами» для скучающих девиц.

Рахманинов и Рихард Штраус еще допедали лебединую песню романтической ностальгии, а Шёнберг со товарищи уже все послали к чертям и перешли к скрежету и визжанию.

Вот и в джазе теперь есть охранители традиций и двигатели прогресса. Казалось бы, жить и радоваться своему богатству и мирно сосуществовать. Не вцеплялся же Шостакович в волосы молодому Пендеревскому, и не костил Равель почем зря молодого Стравинского, а, напротив, выказывал всяческое уважение. Зачем стулья ломать, если ноты останутся в веках и после нас все, как надо, сыграют?

В джазе не то. Ноты есть, есть даже и записи великих, но манера, дыхание и неуловимый свинг уйдут, не оставив и следа, если в старый джаз перестанут

погружаться с юных лет. Потому Марсалис не устает взывать: «Нужно понимание стиля. Ты не можешь просто читать ноты — это то же самое, что читать на языке, не зная, как он звучит». Пространство джазовой классики приходится отвоевывать. Без усилий Марсалиса Атлантида гениев джаза грозит опуститься на дно.

Чтобы этого не случилось, джазовый оркестр Линкольн-центра сражается за детей, отгаскивая их от компьютера и заражая искусством джазовой импровизации. Как говорит старейшина оркестра Марсалиса Джо Темперли, знавший легендарных оркестрантов Дюка Эллингтона: «Проблема с авангардом заключается в том, что свободы нет без дисциплины. Нельзя играть что попало: нужен определенный набор правил, чтобы свобода стала возможной».

А правилам можно учиться. Поэтому у Марсалиса всегда боевая готовность номер один. Он бесплатно рассылает партитуры Дюка Эллингтона по американским школам — пусть изучают джазовый канон по первоисточникам; он ищет учителей-энтузиастов, которые пока не забыли, что такое свинг и блюз — пусть учат молодых; он устраивает джазовые конкурсы среди старшеклассников Америки — пусть знают, что классический джаз — это прекрасная карьера: ведь в оркестре Марсалиса играют победители конкурсов прошлых лет.

Звучание ведущего джаз-оркестра Америки — вовсе не бледная копия великих джазовых предков. Там, где Эллингтон проводил легкий пунктир, Марсалис рисует сплошные линии, где Эллингтон был вкрадчив, как кошка, Марсалис гибок, как пантера. Он доказал, что джаз — это тоже классика, отныне его можно интерпретировать, как интерпретируют Баха и Моцарта, и гении джаза, как и гении симфонической музыки, будут вечно предподносить что-нибудь новенькое. Теперь джаз можно смело принять в семью муз — у него есть собственная классика и собственный авангард.